

Азбука
PREMIUM

К Н И Г И
ДАФНЫ ДЮМОРЬЕ
в серии
«Азбука Premium»:

ПТИЦЫ
и другие истории

СИНИЕ ЛИНЗЫ
и другие рассказы

ДАФНА ДЮМОРЬЕ

Синие линзы

и другие рассказы

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
Д 96

Daphne du Maurier
THE BREAKING POINT (also as THE BLUE LENSES)
Copyright © Daphne du Maurier, 1959
All rights reserved
This edition is published by arrangement with Curtis Brown UK
and The Van Lear Agency LLC

Перевод с английского
Ю. Клейнера, Г. Островской, И. Проценко, Н. Роговской,
Н. Тихонова, Е. Фрадкиной

Серийное оформление В. Пожидаева

Оформление обложки И. Кучмы

Дюморье Д.

Д 96 Синие линзы и другие рассказы / Дафна Дюморье ;
пер. с англ. Ю. Клейнера, Г. Островской, И. Проценко
и др. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. — 352 с. —
(Азбука Premium).

ISBN 978-5-389-10270-5

Имя английской писательницы Дафны Дюморье (1907–1989) мир узнал в 1938 году, после выхода в свет романа «Ребекка», и хотя с тех пор сменилось не одно поколение читателей, ее слава не меркнет. В сборник рассказов «Синие линзы», опубликованный в 1959 году, вошли восемь необычных историй. В них автор исследует тонкую грань, разделяющую мир реальный и мир воображаемый, норму и аномалию, игру фантазии и преступление. Где правда, где ложь, кому можно верить? Кто сумеет удержаться у последней черты? Кто переступит ее и сделает шаг, за которым неминуемо ждет срыв, крах, катастрофа, трагедия?..

Три рассказа сборника – «Пруд», «Эрцгерцогиня», «Трофей» – впервые издаются на русском языке.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

- © Ю. Клейнер, перевод, 1989
- © Г. Островская (наследники), перевод, 1989
- © И. Проценко, перевод, 2016
- © Н. Роговская, перевод, 2016
- © Н. Тихонов (наследники), перевод, 2002
- © Е. Фрадкина, перевод, 1989
- © Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2016
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-10270-5

Алиби

1

Фентоны совершали свою обычную воскресную прогулку по набережной Виктории. Они дошли до моста Альберта и, как всегда, остановились, решая, перейти ли через него и зайти в парк или отправиться дальше за плавающие дома. И тут жена Фентона сказала, подчиняясь какому-то своему, одной ей ведомому ходу мыслей:

— Когда будем дома, напомни мне позвонить Альхузонам и пригласить их на коктейль: сегодня их черед прийти к нам.

Фентон рассеянно наблюдал за уличным движением. Вот по мосту прошел грузовик, слишком сильно раскачиваясь, за ним — спортивный автомобиль с громкими выхлопами, вот нянька в сером форменном платье толкает коляску с близнецами, круглые лица которых похожи на голландский сыр, и, перейдя через мост, сворачивает налево, в Баттерси.

— Куда пойдём? — спросила жена, и он взглянул на нее, не узнавая, во власти непреодолимого, просто кошмарного чувства, что и она, и все люди, которые прогуливаются по набережной или переходят через мост, — крошечные марионетки, раскачивающиеся, когда их дергают за ниточки. А как они передвигаются — неровно, какими-то судорожными толчками. Что за жуткая пародия на настоящие шаги — такие, как в жизни. Да и лицо его жены — голубые глаза, слишком сильно накрашенный рот, новая весенняя шляпка, небрежно сдвинутая набок, — всего лишь маска, второпях намалеванная рукой кукольника, управляющей марионетками, на куске безжизненного дерева, из которого он их мастерит.

Он поспешно отвел взгляд и устремил его вниз, торопливо очерчивая тростью квадрат на тротуаре и точно попадая в выбоину в центре этого квадрата. Вдруг он услышал свой голос: «Я больше не могу».

— Что случилось? — спросила жена. — У тебя закололо в боку?

И тут он понял, что надо быть начеку, так как любая попытка что-то объяснить вызовет недоуменный взгляд этих больших глаз и столь же недоуменные настойчивые вопросы. И тогда придется повернуть обратно по ненавистной набережной Виктории, и ветер, к счастью, будет дуть им в спину, тем не менее неумолимо увлекая их вперед к бездарной гибели часов, точно так же, как течение этой реки увлекает крутящиеся бревна и пустые ящики к какой-то неизбежной зловонной илистой отмели под доками.

Чтобы успокоить ее, он ловко перефразировал свою мысль:

— Я хотел сказать, что мы не можем идти дальше за плавучие дома: там тупик. И потом твои каблуки... — он взглянул на ее туфли, — на таких каблуках долго не проходишь — они не для прогулки по Баттерси. Мне нужен моцион, а ты будешь отставать. Почему бы тебе не пойти домой? Погода так себе.

Жена взглянула на темное небо, и, к счастью для него, порыв ветра заставил ее поежиться в слишком тонком пальто и придержать весеннюю шляпу.

— Пожалуй, так я и сделаю, — сказала она и добавила с сомнением: — У тебя действительно не колет в боку? Ты побледнел.

— Нет, все нормально, — ответил он. — Без тебя я пойду быстрее.

Тут он заметил, что к ним приближается такси с поднятым флажком¹, и остановил его, помахав тростью. Он

---

¹ В описываемое время в Англии поднятый флажок на такси означал, что машина свободна. — *Здесь и далее, если не указано иное, примеч. перев.*

сказал жене: «Садись, ни к чему простужаться», и не успела она возразить, как он распахнул дверцу и дал шоферу адрес. Ей не оставалось ничего другого, как позволить ему усадить себя в такси. Когда машина отъезжала, Фентон увидел, как жена пытается открыть окно и крикнуть, чтобы он не опаздывал и еще что-то об Альхузонах. Он стоял на набережной, глядя, как такси скрывается из виду, и ему казалось, что целый отрезок жизни уходит навсегда.

Он свернул в сторону от реки, оставив позади шум движения, и нырнул в кроличий садок узких улочек и площадей, отделявших его от Фулем-роуд. Он шел с единственной целью — отделаться от самого себя и стереть из сознания воскресный ритуал, рабом которого он был.

Никогда раньше у него не возникала мысль о бегстве. Когда жена упомянула об Альхузонах, в мозгу у него словно раздался щелчок. «Когда будем дома, напомни мне позвонить. Их черед прийти к нам». Наконец-то он понял утопающего, перед которым мелькают фрагменты его жизни, в то время как море поглощает его. Звонок у двери, бодрые голоса Альхузонов, напитки, расставленные на буфете, минутное стояние, потом рассаживание — все это лишь фрагменты гобелена, который изображает его пожизненное заключение, ежедневно возобновляющееся: раздергивание штор и ранний утренний чай, развертывание газеты, завтрак в маленькой столовой при синем свете газового камина (из экономии он привернут и едва теплится), поездка на метро, развертывание вечерней газеты в окружающей толпе, возвращение на места шляпы, пальто и зонтика, звук телевизора из гостиной, к которому иногда примешивается голос жены, разговаривающей по телефону. И вот так зимой и летом, осенью и весной, и при смене времен года сменяются только чехлы на стульях и диване в гостиной да деревья за окном на площади покрываются листвой или стоят голые.

«Их черед прийти к нам» — и появляются Альхузоны, гримасничая и подпрыгивая на своих ниточках, кланяют-

ся и исчезают, а хозяева, принимавшие их, в свою очередь становятся гостями и покачиваются, глупо ухмыляясь, — кукольные партнеры, прикрепленные друг к другу, исполняют свой старомодный танец.

И вдруг — остановка у моста Альберта — слова Эдны — и время прервалось. Нет, оно точно так же течет для нее, для Альхузонов, которые подходят к телефону, — для всех вовлеченных в этот танец, — лишь для него все изменилось. Возникло ощущение внутренней силы. Он управляет, он — рука кукольника, заставляющая марионеток покачиваться. А Эдна, бедная Эдна, которая мчит в такси домой, где сыграет отведенную ей роль — будет расставлять напитки, взбивать подушки, вытряхивать соленый миндаль из банки, — она понятия не имеет о том, что он шагнул из кабалы в новое измерение.

Воскресная апатия навалилась на улицы. Дома закрытые, замкнутые.

«Они не знают, — подумал он, — эти люди в домах, что один мой жест сейчас, в эту самую минуту, может изменить весь их мирок. Стук в дверь, и кто-нибудь открывает — зевающая женщина, старик в ковровых шлепанцах, ребенок, посланный раздосадованными родителями, — и все их будущее зависит от того, что мне будет угодно, какое решение я приму. Разбитые лица. Внезапное убийство. Кража. Пожар». Все так просто.

Он взглянул на часы. Половина четвертого. Надо взять за основу систему чисел. Он пройдет еще три улицы и затем, в зависимости от числа букв в названии третьей улицы, выберет номер дома.

Фентон быстро шел, чувствуя, как все больше увлекается. Все по-честному, говорил он себе. Неважно, будет ли это жилой массив или молочная фирма «Юнайтед дэриз». Третья улица оказалась длинной, по обе стороны тянулись грязноватые желто-коричневые викторианские виллы, которые были претенциозными лет пятьдесят тому назад, а сейчас, когда их разделили на квартиры, чтобы сдавать, утратили свою помпезность. Название ули-

цы — Боултинг. Восемь букв означают номер 8. Он уверенно перешел ее, изучая двери, не обескураженный крутыми маршами каменных ступеней, ведущих к каждой вилле, некрашеными воротами, хмурыми подвалами, атмосферой бедности и обветшания. Как все это не похоже на дома на его маленькой Ридженси-сквер с их нарядными дверями и цветочными ящиками за окнами.

Номер 8 ничем не отличался от своих собратьев. Пожалуй, ворота были еще более убогими, а кружевные занавески в длинном, уродливом окне первого этажа — еще более выцветшими. Ребенок лет трех, мальчик с бледным личиком и бессмысленным взглядом, сидел на верхней ступеньке. Он был как-то странно привязан к скребку у входной двери и не мог передвигаться. Дверь была открыта.

Джеймс Фентон поднялся по ступенькам и поискал звонок. Он был заклеен полоской бумаги с надписью: «Не работает», а ниже болтался на тесемке старомодный дверной колокольчик. Конечно, можно было бы в считанные секунды распутать узел на ремешке, которым привязан ребенок, снести его под мышкой вниз по лестнице и расправиться в зависимости от настроения или фантазии. Но нет, пожалуй, еще не пришло время для насилия. Не того ему хочется — ощущение внутренней силы вызывает жажду подольше насладиться ею.

Он позвонил в колокольчик, и в темной прихожей раздалось слабое звяканье. Ребенок уставился на него, не пошевелившись. Фентон отвернулся от двери и окинул взглядом улицу, платан на краю тротуара, коричневая кора которого пестрела желтыми пятнами, и черную кошку, сидевшую у его подножия и зализывавшую пораненную лапку. Он смаковал момент ожидания, сладостный из-за его неопределенности.

Он услышал, как за спиной растворилась дверь и женский голос с иностранным выговором спросил: «Что вам угодно?»

Фентон снял шляпу. Его так и подмывало сказать: «Я пришел, чтобы задушить вас. Вас и вашего ребенка. Я вовсе не питаю к вам злобы, просто так уж вышло, что я — орудие судьбы, посланное с этой целью». Вместо этого он улыбнулся. Женщина была бледная, как и ребенок на ступеньках, с таким же лишенным выражения взглядом и такими же прямыми волосами. Ей могло быть где-то от двадцати до тридцати пяти лет. Шерстяная кофта была ей велика, а темная юбка в сборку, доходившая до лодыжек, делала приземистой.

— Вы сдаете комнаты? — спросил Фентон.

Свет зажегся в бессмысленных глазах — теперь они выражали надежду. Могло даже показаться, что она жаждала, но уже не надеялась услышать этот вопрос. Однако этот проблеск сразу же угас, и взгляд снова сделался тупым.

— Дом не мой, — сказала она. — Домовладелец когда-то сдавал комнаты, но говорят, что и этот дом, и другие, по обе стороны, снесут, чтобы расчистить место для многоэтажных домов.

— Вы хотите сказать, — продолжал он, — что владелец больше не сдает комнаты?

— Да, — ответила она. — Он сказал мне, что нет смысла — ведь распоряжение о сносе может прийти в любой день. Он немного платит мне, чтобы я присматривала за домом, пока его не снесут. Я живу в подвале.

— Понятно, — сказал он.

Разговор был как будто закончен. Однако Фентон не двинулся с места. Женщина взглянула мимо него на ребенка и велела ему сидеть тихо, хотя тот едва слышно хныкал.

— А не могли бы вы сдать мне одну из комнат в цокольном этаже на то время, пока вы еще здесь? — спросил Фентон. — Мы бы договорились между собой. Домовладелец не будет возражать.

Он наблюдал, как она силится постичь его предложение, такое невероятное, такое удивительное в устах человека с его внешностью. А поскольку легче всего захватить человека врасплох, удивив его, он поспешил воспользоваться своим преимуществом.

— Мне нужна всего одна комната на несколько часов в день, — быстро сказал он. — Я не буду здесь ночевать.

Она так и не смогла понять, кто он: задача оказалась ей не под силу. Костюм из твида — такой носят и в Лондоне, и в пригородах, — мягкая фетровая шляпа, трость, свежий цвет лица, лет сорок пять — пятьдесят. Он увидел, как темные глаза раскрылись еще шире и взгляд их стал еще бессмысленнее, когда она попыталась увязать его наружность с неожиданной просьбой.

— А для чего вам нужна комната? — спросила она колеблясь.

Вот где собака зарыта. Чтобы убить тебя и ребенка, моя милая, разобрать пол и похоронить вас под досками. Но еще не время.

— Это трудно объяснить, — оживленно ответил он. — Я профессионал и работаю допоздна. А так как последнее время мои обстоятельства изменились, мне нужна комната, где можно было бы поработать несколько часов в день в полном одиночестве. Вы себе не представляете, как трудно найти что-нибудь подходящее. По-моему, тут у вас как раз то, что мне нужно. — Он перевел взгляд с пустого дома на ребенка и улыбнулся. — Например, ваш малыш. Как раз подходящий возраст, так что он не помешает.

Подобие улыбки промелькнуло на ее лице.

— О, Джонни очень спокойный, — сказала она. — Он сидит так часами, он не будет беспокоить. — Затем улыбка сошла с ее лица, вернулось сомнение. — Не знаю, что сказать... Мы живем на кухне, рядом — спальня. Есть одна комната сзади, я держу там кое-какую мебель, но не

думаю, чтобы вам подошло. Видите ли, смотря что вы собираетесь делать...

Ее голос замер. Да, такая апатия — как раз то, что нужно. Интересно, крепко ли она спит, — может быть, даже принимает снотворное? Судя по темным теням под глазами, принимает. Ну что же, тем лучше. К тому же иностранка, а их слишком много в Англии.

— Если вы только дадите мне взглянуть на эту комнату, я сразу определю, — сказал он.

Как ни странно, она повернулась и пошла впереди него через узкую грязную прихожую. Включив свет над лестницей, ведущей в подвал, и бормоча бесконечные извинения, она повела Фентона вниз. Несомненно, вначале это было помещение для слуг, живших на этой викторианской вилле. Теперь, когда кухня, буфетная и кладовая служат этой женщине столовой, кухней и спальней, они стали более запущенными. Вероятно, в былые дни, когда эти уродливые трубы были выкрашены белой краской, а этот бесполезный котел и старая плита были начищены, они выглядели совсем недурно. Даже кухонный буфет, который все еще занимает свое законное место и тянется почти во всю длину одной из стен, наверно, хорошо вписывался в обстановку лет пятьдесят тому назад, когда на полках его стояли сверкающие медные кастрюли и расписной обеденный сервиз, а рядом суежилась кухарка с руками, выпачканными в муке, отдавая распоряжения своему любимчику в буфетной. Сейчас грязно-кремовая краска свисает чешуйками, потертый линолеум порван, а в буфете — только хлам, не имеющий ничего общего с первоначальным назначением буфета: испорченный приемник со свисающей антенной, кипы старых журналов и газет, незаконченное вязание, сломанные игрушки, куски засохшего пирога, зубная щетка и несколько пар обуви. Женщина окинула все это безнадежным взглядом.

— Нелегко, — сказала она, — с ребенком. Все время убираешь.

Было ясно, что она вообще никогда не убирает, что она сдалась и этот беспорядок — ее реакция на жизненные трудности. Однако Фентон ничего не сказал, а лишь вежливо кивнул и улыбнулся. Сквозь приоткрытую дверь он увидел неубранную постель, и это подтвердило его предположение о крепком сне — видимо, ее разбудил звон колокольчика. Поймав его взгляд, женщина торопливо закрыла дверь и, машинально пытаясь привести себя в порядок, застегнула кофту и пригладила волосы рукой.

— А комната, которой вы не пользуетесь? — спросил он.

— Ах да, да, конечно, — ответила она рассеянно и неопределенно, как будто забыв, для чего привела его в подвал. Она пошла обратно по коридору, мимо угольного погребка — вот это пригодится, подумал он, — мимо уборной, через открытую дверь которой был виден детский горшок и рядом с ним — разорванный номер «Дейли миррор», и наконец подошла к дальней комнате, дверь которой была закрыта.

— Не думаю, что вам подойдет, — со вздохом сказала она, заранее сдавшись. Действительно, это не подошло бы никому, кроме него — ибо он так переполнен силой и устремлен к цели. Когда она распахнула скрипучую дверь и подошла к окну, чтобы отдернуть занавеску, сделанную из куска старого материала для затемнения, сохранившегося с военного времени, резкий запах сырости ударил ему в нос, словно он внезапно попал в полосу тумана у реки, а еще он различил запах газа, который ни с чем не спутаешь. Они одновременно чихнули.

— Да, это плохо, — сказала она. — Должны прийти, но все никак не идут.

Когда она отдернула занавеску, чтобы проветрить комнату, карниз сломался, кусок материи упал, и через разбитое окно впрыгнула та самая черная кошка с пораненной лапкой, которую он заметил под платаном перед домом. Женщина попыталась прогнать ее, но ничего не

вышло. Кошка, привычная к этой обстановке, юркнула в дальний угол, прыгнула на ящик и устроилась вздремнуть. Фентон и женщина огляделись.

— Это как раз то, что мне нужно, — сказал он, его не смущали темные стены, Г-образная форма комнаты, низкий потолок.

— Как, даже садик есть! — И он подошел к окну и взглянул на клочок земли и камни, которые сейчас, когда он стоял в подвальной комнате, были вровень с его головой. Когда-то все это было крохотным мощеным двориком.

— Да, — отозвалась она, — да, есть и садик. — И она встала рядом с ним, чтобы тоже взглянуть на запущенный участок, которому они оба дали такое неподходящее название. Затем, слегка пожав плечами, она продолжила: — Как видите, здесь тихо, но мало солнца. Комната северная.

— Я люблю, когда окна выходят на север, — рассеянно ответил он, уже рисуя в воображении узкую яму, которую он выроет для ее тела; незачем копать глубоко. Обернувшись к женщине и мысленно прикидывая ее размеры, рассчитывая длину и ширину будущей ямы, он увидел, что в ее взгляде появился проблеск понимания, и сразу же улыбнулся, чтобы подбодрить ее.

— Вы художник? — спросила она. — Они любят северный свет, не правда ли?

Он почувствовал огромное облегчение. Художник — ну конечно же! Вот объяснение, которое ему нужно! Вот решение всех проблем!

— Я вижу, вы разгадали мой секрет, — лукаво ответил Фентон, и его смех прозвучал так искренне, что он и сам удивился. Он заговорил очень быстро: — Да, художник, но посвящаю живописи только часть дня. Вот почему я смогу выбираться сюда только в определенные часы. Утром я связан делами, но позже — свободный человек. Вот когда начинается моя настоящая работа. Это не про-

сто хобби — нет, это страсть. В этом году я собираюсь организовать свою выставку. Так что вы понимаете, насколько мне важно подыскать что-то... в таком духе.

Он взмахнул рукой, указывая на то, что могло бы соблазнить разве что кошку. Его уверенность была так заразительна, что ее взгляд перестал выражать сомнение и замешательство.

— В Челси полно художников, не правда ли? — сказала она. — Не знаю, по крайней мере, так говорят. Но я думала, мастерские должны быть высоко, чтобы можно получать много света.

— Необязательно, — ответил он. — У меня нет подобных причуд. Да и в любом случае в конце дня темнеет. А есть электрическое освещение?

— Да... — Она подошла к двери и повернула выключатель. Голая лампочка, свисавшая с потолка, засветилась сквозь покрывавшую ее пыль.

— Чудесно, — сказал он. — Это все, что мне понадобится.

Он улыбнулся, глядя в это лицо, лишенное всякого выражения и несчастное. Бедняжка была бы настолько счастливее во сне. Как кошка. Нет, в самом деле, положить конец ее мучениям — просто благое дело.

— Можно мне переехать завтра? — спросил он.

Снова взгляд, исполненный надежды, который он заметил, еще стоя у парадной двери, когда справлялся о комнатах. А что же это теперь — смущение, какая-то тень неловкости?

— Вы не спросили... о плате за комнату, — сказала она.

— На ваше усмотрение, — ответил он и снова взмахнул рукой, чтобы показать, что деньги не имеют для него никакого значения.

Она глотнула, явно не зная, что сказать, к ее бледному лицу начала приливать краска, и наконец она решилась:

— Будет лучше, если я ничего не скажу домовладельцу. Я скажу, что вы — друг. Вы могли бы давать мне один-два фунта в неделю наличными, так будет честно.

Она с тревогой следила за ним. Конечно, решил он, третье лицо ни к чему — пусть все останется между ними, иначе может рухнуть его план.

— Я буду давать вам пять фунтов наличными каждую неделю начиная с сегодняшнего дня.

Он нащупал бумажник и вытащил новенькие хрустящие банкноты. Она робко протянула руку, и ее взгляд не отрывался от денег, пока он их пересчитывал.

— Ни слова домовладельцу, — сказал он, — а если кто-нибудь спросит о вашем жильце, скажите, что приехал погостить ваш двоюродный брат, художник.

Она взглянула на него и в первый раз улыбнулась, как будто его шуточные слова и вручение денег каким-то образом скрепили их договор.

— Вы не похожи на моего двоюродного брата, — сказала она, — и не очень похожи на тех художников, которых я видела. Как вас зовут?

— Симс, — моментально ответил он, — Маркус Симс, — и удивился, почему ему пришло на ум имя его тестя — поверенного, который умер много лет тому назад и которого он терпеть не мог.

— Спасибо, мистер Симс, — сказала она. — Утром я сделаю уборку в вашей комнате. — И, сразу же перейдя от слов к делу, она сняла с ящика кошку и прогнала ее в окно.

— Вы привезете свои вещи завтра днем? — спросила она.

— Вещи? — повторил он.

— То, что нужно для вашей работы, — сказала она. — Разве у вас нет красок и всего такого?

— Ах да... ну конечно, — сказал он, — мне же нужно привезти все необходимое. — Он снова оглядел комнату. Нет, и речи не может быть о резне. Никакой крови. Никакого беспорядка. Лучше всего задушить их обоих во сне, женщину и ребенка, — это самый гуманный способ.

— Когда вам понадобятся тюбики с краской, не придется далеко ходить, — сказала она. — На Кингс-роуд есть магазины для художников. Я проходила мимо, когда шла за покупками. Там в витринах картон и мольберты.

Он прикрыл рот ладонью, чтобы скрыть улыбку. Нет, в самом деле трогательно, с какой готовностью и как доверчиво она приняла все за чистую монету.

Она повела его обратно в коридор и вывела из подвала по лестнице в прихожую.

— Я так рад, — сказал он, — что мы договорились. По правде говоря, я уже начинал отчаиваться.

Обернувшись, она снова улыбнулась ему.

— Я тоже, — сказала она. — Если бы вы не появились... Не знаю, что бы я могла натворить.

Они стояли рядом на верхней площадке лестницы. Потрясенный, он пристально смотрел на нее: ведь его появление грозит ей несчастьем. Ну и чудеса!

— Наверно, вы попали в беду? — спросил он.

— В беду? — Она сделала жест руками, и на лице ее вновь появилось выражение апатии и отчаяния. — Конечно, это беда — быть чужой в этой стране, а отец моего малыша сбежал и оставил меня совсем без денег, и я не знаю, что делать. Говорю вам, мистер Симс, если бы вы не пришли сегодня... — Не кончив фразу, она взглянула на ребенка, привязанного к скребку, и пожала плечами. — Бедный Джонни, — сказала она, — это не твоя вина.

— В самом деле, бедный Джонни, — повторил Фентон, — и бедная вы. Ну что ж, уверяю вас, я постараюсь положить конец вашим мучениям.

— Вы очень добры. Правда, спасибо вам.

— Нет, это вам спасибо. — Он слегка поклонился ей и, нагнувшись, коснулся макушки ребенка. — До свидания, Джонни, до завтра. — Его жертва ответила пристальным взглядом, лишенным всякого выражения.

— До свидания, миссис... миссис?..

— Моя фамилия Кауфман. Анна Кауфман.

Она следила, как он спускается по лестнице и проходит в ворота. Изгнанная кошка прокралась мимо него, возвращаясь к разбитому окну. Фентон широким жестом помахал шляпой женщине, ребенку, кошке, всей безмолвной желтовато-коричневой вилле.

— До завтра, — крикнул он и отправился по Боултинг-стрит беспечной походкой человека, стоящего на пороге настоящего приключения. Бодрое настроение не изменило ему, даже когда он подошел к собственной двери. Он открыл американский замок своим ключом и поднялся по лестнице, мурлыкая какую-то песенку тридцатилетней давности. Эдна, как обычно, висела на телефоне — до него доносился бесконечный телефонный разговор двух женщин. На маленьком столике в гостиной были расставлены напитки, сухое печенье и блюдо соленого миндаля. Судя по лишним стаканам, ждали гостей. Эдна прикрыла телефонную трубку рукой и сказала:

— Альхузоны будут. Я пригласила их остаться на холодный ужин.

Ее муж улыбнулся и кивнул. Задолго до своего обычного времени он налил себе глоточек шерри, чтобы еще острее прочувствовать и посмаковать конспирацию и безупречность истекшего часа. Телефонный разговор закончился.

— Ты лучше выглядишь, — сказала Эдна. — Прогулка пошла тебе на пользу.

Ее полное неведение так позабавило его, что он чуть не поперхнулся.

2

Как удачно, что женщина упомянула о рисовальных принадлежностях — иначе он бы глупо выглядел, явившись на следующий день безо всего. А теперь ему придет-

ся уйти из конторы пораньше и отправиться в магазин, чтобы обзавестись необходимым имуществом. Он разошелся. Мольберты, холсты, один тубик с красками за другим, кисти, скипидар — то, что должно было уместиться всего в несколько пакетов, превратилось в громоздкие свертки, увезти которые можно было только в такси. Однако все это лишь усилило его возбуждение. Он должен добросовестно сыграть свою роль. Продавец, вдохновленный пылом своего клиента, предлагал все новые и новые краски, и Фентон, беря в руки тубики и читая названия, чувствовал какое-то острое удовольствие от самого процесса покупки. Он дал себе полную волю, и сами слова «хром», «сиена», «вандик» ударили ему в голову, как вино. Наконец он справился с соблазном и сел в такси со своими покупками. Боултинг-стрит, 8, — этот непривычный адрес вместо площади, где стоит его дом, придавал приключению еще большую пряность.

Странно, но, когда такси остановилось у цели, ряд вилл уже не казался таким однообразным. Правда, вчерашний ветер стих, время от времени проглядывало солнце, и дыхание апреля в воздухе сулило более долгие дни — но не это было главным. Главное заключалось в том, что номер 8 как будто чего-то ожидал. Расплачиваясь с шофером и вынимая из такси свертки, Фентон заметил, что темные шторы сняты с окна подвала, а вместо них повешены занавески ужасающего мандаринового цвета. Как раз когда он заметил это, занавески раздернулись и ему помахала женщина с ребенком на руках, личико которого было вымазано джемом. Кошка соскочила с подоконника, подошла к нему, мурлыкая, и потерлась выгнутой спиной о его ногу. Такси отъехало, и женщина спустилась по ступенькам поздороваться с ним.

— Мы с Джонни весь день вас высматриваем, — сказала она. — Это все, что вы привезли?

— Все? А разве этого недостаточно? — рассмеялся он.

Она помогла ему снести вещи вниз по лестнице, в подвал, и, заглянув в кухню, он заметил, что она не толь-

ко повесила занавески, но и попыталась там прибраться. Вся обувь засунута под кухонный шкаф вместе с детскими игрушками, а стол накрыт скатертью и приготовлен для чаепития.

— Вы просто не поверите, сколько пыли было в вашей комнате, — сказала она. — Я провозилась почти до полуночи.

— Напрасно вы беспокоились, — сказал он ей. — Ведь это ненадолго, так что не стоило.

Она остановилась перед дверью и посмотрела на него своим прежним бессмысленным взглядом.

— Значит, ненадолго? — пробормотала она. — А я почему-то подумала после того, что вы вчера сказали, что это на несколько недель.

— Да нет, я не то имел в виду, — быстро ответил он. — Я хотел сказать, что вы зря убирали, потому что я все равно устрою жуткий развал со своими красками.

У нее явно отлегло от сердца. Она попыталась улыбнуться и открыла дверь со словами:

— Добро пожаловать, мистер Симс.

Надо отдать ей должное — она поработала на славу. Комната преобразилась, да и запах другой. Пахнет не газом, а карболкой — или это «Джейз»? Во всяком случае, какое-то дезинфицирующее средство. Кусок материи для затемнения снят с окна. Она даже позвала кого-то вставить стекло. Исчез ящик, служивший кошке постелью. Теперь у стены стоит стол и два небольших шатких стула, а также кресло, покрытое той же ужасной материей, которую он заметил на кухонных окнах. Над камином — там, где вчера ничего не было, она повесила календарь с большой яркой репродукцией «Мадонны с младенцем». Глаза Мадонны, заискивающие и притворно застенчивые, улыбаются Фентону.

— Ух ты... — начал он, — вот это да... — И не на шутку растрогавшись, что бедная женщина положила столько трудов на уборку в один из своих, видимо последних,

дней на земле, он отвернулся и стал распаковывать свертки, чтобы скрыть волнение.

— Позвольте помочь вам, мистер Симс, — сказала она и, не дав ему возразить, опустилась на колени и принялась развязывать узлы, разворачивать бумагу и собирать мольберт.

Потом они вместе вынули из коробок все тюбики с красками, разложили их на столе рядами и составили все холсты у стены. Это было занятно, как какая-то абсурдная игра, причем любопытно, что женщина заразилась ее духом, оставаясь совершенно серьезной.

— Что вы собираетесь написать в первую очередь? — спросила она, когда все было сделано и даже холст водружен на мольберт. — Наверное, вы уже что-то задумали.

— Да-да, — сказал он, — у меня кое-что задумано. — Он улыбнулся, ведь ее вера в него столь велика. И вдруг она тоже улыбнулась и сказала:

— А я угадала, что вы задумали.

Он почувствовал, что бледнеет. Как она догадалась? Куда клонит?

— Угадала — что вы хотите этим сказать? — резко спросил он.

— Это Джонни, не так ли?

Разве он может убить ребенка прежде, чем убьет его мать? Что за дикая мысль! И почему она пытается подтолкнуть его к этому подобным образом? Времени еще предостаточно, и во всяком случае у него еще не оформился план...

Она кивала головой с хитрым видом, и он с трудом заставил себя вернуться к реальности. Разумеется, она говорит о живописи.

— Вы умная женщина, — сказал он. — Да, вы угадали, это Джонни.

— Он будет хорошо себя вести и не станет шевелиться, — сказала она. — Если я привяжу его, он может сидеть часами. Вы сейчас имеете в нем необходимость?

— Нет, нет, — раздраженно ответил Фентон. — Я во все не спешу. Мне надо все продумать.

У нее вытянулось лицо. Видимо, она разочарована. Она еще раз окинула взглядом комнату, так внезапно и удивительно преобразившуюся в соответствии с ее представлениями о мастерской художника.

— Тогда позвольте предложить вам чашку чая, — сказала она, и он пошел за ней на кухню, чтобы избежать споров.

Сев на стул, который она подвинула ему, он принялся за чай и бутерброды под пристальным взглядом неопрятного маленького мальчика.

— Па, — вдруг произнес ребенок и протянул руку.

— Он называет всех мужчин «па», хотя его собственный отец не обращал на него внимания, — сказала мать Джонни. — Не приставай к мистеру Симсу, Джонни.

Фентон выдавил вежливую улыбку. Дети стесняли его. Он продолжал потягивать чай и есть бутерброды.

Женщина села и присоединилась к нему, рассеянно помешивая чай, пока он не стал таким холодным, что его, наверно, и пить было нельзя.

— Приятно, когда есть с кем поговорить, — заметила она. — Вы знаете, мистер Симс, до вашего прихода я была так одна... Пустой дом наверху, и даже рабочие не входят и не выходят. И район здесь нехороший — у меня совсем нет друзей.

Чем дальше, тем лучше, подумал он. Никто не хватится, когда она исчезнет. Было бы трудно выйти сухим из воды, если бы остальная часть дома была заселена, а так можно сделать это в любое время дня, и ни одна собака не узнает. Бедная девочка, ей, наверно, не больше двадцати шести — двадцати семи лет. Что за жизнь у нее была!

— ...он просто сбежал, без единого слова, — рассказывала она. — Мы пробыли в этой стране всего три года, и мы переезжали с места на место, без постоянной работы.

Одно время мы жили в Манчестере, Джонни родился в Манчестере.

— Ужасное место, — посочувствовал он, — вечно льет дождь.

— Я сказала ему: «Тебе надо найти работу», — продолжала она, стукнув по столу кулаком и заново проигрывая ту сцену. — Я сказала: «Мы не можем так больше. Это не жизнь для меня и для твоего ребенка». Да, мистер Симс, нечем было уплатить за квартиру. Что я должна была сказать домовладельцу? И потом, когда ты здесь чужой, всегда неприятности с полицией.

— С полицией? — спросил испуганный Фентон.

— Документы, — объяснила она. — Такая морока с нашими документами. Вы знаете, как это есть, мы должны регистрироваться. Мистер Симс, моя жизнь не была счастливой вот уже много лет. В Австрии я некоторое время была служанкой у одного плохого человека. Мне пришлось сбежать. Тогда мне было всего шестнадцать лет, и, когда я встретила моего мужа, который тогда не был моим мужем, наконец-то показалось, что есть какая-то надежда, если мы будем попадать в Англию...

Она продолжала монотонно бубнить, глядя на него и помешивая чай, и ее голос с вялым немецким акцентом, довольно приятным для слуха, был успокаивающим аккомпанементом к его мыслям, который смешивался с тиканьем будильника на кухонном шкафу и со стуком ложки малыша о тарелку. Как восхитительно вдруг вспомнить, что ты не в конторе и не дома — нет, ты — Маркус Симс, художник, непременно великий художник, творящий если не шедевр живописи, то преднамеренное убийство, а перед тобой — твоя жертва, которая отдает свою жизнь в твои руки и смотрит на тебя как на своего спасителя, а ты и в самом деле ее спаситель.

— Странно, — медленно произнесла она, — еще вчера я не знала вас, а сегодня рассказываю вам свою жизнь. Вы мой друг.

— Ваш искренний друг, — ответил он, похлопывая ее по руке. — Уверяю вас, это так. — Он улыбнулся и оттолкнул свой стул.

Она протянула руку за его чашкой и блюдцем и поставила их в раковину, потом вытерла ребенку рот рукавом кофты.

— А теперь, мистер Симс, что бы вы предпочли сначала — лечь в постель или писать портрет Джонни?

Он уставился на нее. Лечь в постель? Правильно ли он расслышал?

— Простите, не понял? — переспросил он.

Она стояла, терпеливо ожидая, когда он двинется с места.

— Как скажете, мистер Симс, — произнесла она. — Мне все равно. Я к вашим услугам.

Он почувствовал, как его шея медленно краснеет и краска приливает к лицу и лбу. Нет, тут все ясно, и недвусмысленная полуулыбка, и резкий кивок головы в сторону спальни не оставляют и тени сомнения. Эта несчастная девочка делает ему определенное предложение. Видимо, она считает, что он действительно рассчитывает... хочет... Это просто ужасно.

— Моя дорогая мадам Кауфман, — начал он (обращение «мадам» звучало как-то лучше, чем «миссис», и больше подходило для иностранки), — боюсь, тут какая-то ошибка. Вы меня не так поняли.

— Пожалуйста? — спросила она, озадаченная, а затем снова попыталась улыбнуться. — Не надо бояться. Никто не придет. А Джонни я привяжу.

Как нелепо. Привязать этого маленького мальчика... Вряд ли его слова могли дать повод столь неверно истолковать ситуацию. Однако, если он обнаружит свое вполне естественное негодование и уйдет из этого дома, рухнет весь его план, его прекрасный план, и придется начинать все сначала где-нибудь в другом месте.

— Это... это чрезвычайно любезно с вашей стороны, мадам Кауфман, — сказал он. — Я высоко ценю ваше предложение, столь великодушное. Но к несчастью, дело в том, что вот уже много лет я совершенно неспособен... старая военная рана... Я давно уже вынужден исключить все это из своей жизни. Все силы я вкладываю в свое искусство, в живопись, я поглощен ею. Вот почему я так обрадовался, найдя этот уединенный уголок, ведь теперь все в корне изменится. И если мы хотим стать друзьями...

Он подыскивал слова, чтобы выйти из неловкого положения. Она пожала плечами, и на лице ее не отразилось ни облегчения, ни разочарования. Как будет, так будет.

— Хорошо, мистер Симс, — сказала она. — Я подумала, может быть, вы одиноки. Я-то знаю, что такое одиночество. И потом, вы так добры. Если когда-нибудь вы почувствуете, что вам бы хотелось...

— О, я сразу же скажу вам, — быстро перебил он ее. — Непременно. Но увы, боюсь, что... А теперь — за работу, за работу! — И он снова улыбнулся, подчеркнуто засуетившись, и открыл дверь кухни. Слава богу, она застегнула кофту, которую начала было так угрожающе расстегивать. Она сняла ребенка со стула и приготовилась следовать за Фентоном.

— Я всегда мечтала посмотреть, как работает настоящий художник, — сказала она, — и — о чудо! — мне повезло. Джонни оценит это, когда станет старше. Как и куда мне пристроить его, мистер Симс? Поставить или посадить? Какая поза будет лучше?

Нет, это уж слишком! Из огня да в полымя. Фентон дошел до белого каления. Эта женщина просто хочет его извести! Боже упаси, чтобы она тут околичивалась. Уж если придется возиться с этим противным мальчишкой, нужно по крайней мере отделаться от его матери.

— Поза не имеет никакого значения, — сказал он запальчиво. — Я не фотограф. И уж чего я совсем не выно-

шу, так это когда смотрят, как я работаю. Посадите Джонни сюда, на стул. Надеюсь, он будет сидеть смирно?

— Я привяжу его, — сказала она, и, пока она ходила на кухню за ремешком, он задумчиво смотрел на холст на мольберте. С ним нужно что-то сделать, это ясно. Опасно оставлять холст чистым, она не поймет и заподозрит, что тут что-то неладно. Может быть, даже повторит свое ужасное предложение, сделанное пять минут назад...

Он взял один-два тюбика и выдавил немного краски на палитру. Сиена натуральная... Неаполитанская желтая... Хорошие названия им дают. Они с Эдной были в Сиене, когда только поженились. Он вспомнил кирпичные стены розовато-ржавого цвета и площадь — как же называлась эта площадь? — где устраивались знаменитые скачки. Неаполитанская желтая. Они никогда не бывали в Неаполе. Увидеть Неаполь и умереть. Жаль, что они не так уж много путешествовали. Ездили они всегда в одно и то же место, в Шотландию, ведь Эдна не любит жару. Лазурь... Вызывает ли она мысли о темно-синем или светло-голубом? Лагуны в южных морях и летучие рыбы. Как празднично выглядят пятнышки красок на палитре...

— Вот так... будь умницей, Джонни. — Фентон поднял глаза. Женщина привязала ребенка к стулу и потрепала по головке. — Если вам что-нибудь понадобится, только позовите, мистер Симс.

— Благодарю вас, мадам Кауфман.

Она на цыпочках вышла из комнаты, осторожно прикрыв дверь. Художнику нельзя мешать, художника надо оставить наедине с его произведением.

— Па, — сказал вдруг Джонни.

— Сиди смирно, — резко приказал Фентон.

Он разламывал пополам кусок угля, так как читал где-то, что художники сначала рисуют голову углем. Держа отломанный кусок между пальцами и поджав губы,

он нарисовал на холсте круг, похожий на полную луну. Затем он отступил назад и полуприкрыл глаза. Странно, этот круг похож на лицо без черт... Джонни следил за ним, широко раскрыв глаза. Фентон понял, что нужен гораздо больший холст, так как на том, что стоит на мольберте, поместится только голова ребенка. Вышло бы гораздо эффектнее, если бы на холсте была голова и плечи, потому что в этом случае он мог бы использовать берлинскую лазурь, чтобы написать синий свитер ребенка.

Он заменил первый холст другим, побольше. Да, этот размер гораздо лучше. Теперь снова контур лица... глаза... две маленькие точки — нос, небольшая щель — рот... две черточки — шея, и еще две линии, изогнутые почти под прямым углом, как вешалка, — плечи. Самое настоящее лицо, человеческое лицо — правда, пока еще не совсем лицо Джонни, но дайте срок. Теперь важно нанести на холст краски. Он лихорадочно выбрал кисть, окунул ее в скипидар и масло и затем, осторожно касаясь лазури и белил, чтобы смешать их, нанес смесь на холст. Яркий цвет, мерцающий и искрящийся от избытка масла, казалось, пристально глядит на него с холста, требуя добавки. Правда, этот синий отличается от цвета свитера Джонни, ну и что? Осмелев, он добавил еще краски и размазал ее, и теперь, когда синий был нанесен отчетливыми мазками на всю нижнюю часть холста, он как-то странно волновал. Синий цвет подчеркивал белизну лица, нарисованного углем, и оно выглядело теперь как настоящее. Оказывается, кусок стены за головой ребенка, который был всего лишь обычной стеной, когда Фентон впервые вошел в комнату, определенно имеет свой цвет — розовато-зеленый. Он хватал тюбик за тюбиком и выдавливал краски. Так как не хотелось портить кисть с синей краской, он выбрал другую... черт возьми, эта жженая сиена похожа вовсе не на ту Сиену, в которой он был, а скорее на грязь. Надо ее стереть, нужны тряпки — что-нибудь, что не испортит... Он быстро подошел к двери.

— Мадам Кауфман, — позвал он. — Мадам Кауфман! Не могли бы вы найти мне какие-нибудь тряпки?

Она явилась немедленно, разрывая на ходу какое-то нижнее белье на тряпки, и он выхватил их и стал счищать противную жженую сиену с кисти. Обернувшись, он увидел, что она украдкой смотрит на холст.

— Не надо! — закричал он. — Никогда нельзя смотреть на работу художника, когда он ее только начал, — ведь это черновой набросок!

Получив резкий отпор, она отступила.

— Простите, — сказала она и затем неуверенно добавила: — Это очень современно, не так ли?

Он пристально посмотрел на нее, потом перевел взгляд на холст, с холста — на Джонни.

— Современно? — переспросил он. — Конечно современно. А как вы себе это представляли? Вот так? — Он указал кистью на жеманно улыбающуюся Мадонну над камином. — Я иду в ногу со временем. Так я вижу. А теперь позвольте мне продолжать.

На одной палитре уже не хватало места для всех красок. Слава богу, он купил две. Он начал выдавливать краски из остальных тюбиков на вторую палитру и смешивать их, и теперь это было самое настоящее буйство красок — закаты, каких никогда не бывало и которых никогда не видали. Венецианская красная — не Дворец дождей, а маленькие капли крови, которые горят в мозгу и не должны пролиться, цинковые белила — чистота, а не смерть, желтая охра... желтая охра — это жизнь во всем изобилии, это обновление, это весна, это апрель в каком-то ином времени, в каком-то ином месте...

Неважно, что стемнело и пришлось включить свет. Ребенок уснул, но Фентон продолжал писать. Женщина вошла и сказала ему, что уже восемь часов. Не хочет ли он поужинать?

— Мне совсем нетрудно, мистер Симс, — сказала она.

Содержание

<i>Алиби. Перевод Е. Фрадкиной</i>	5
<i>Синие линзы. Перевод Г. Островской</i>	54
<i>Ганимед. Перевод Н. Тихонова</i>	100
<i>Пруд. Перевод И. Проценко</i>	150
<i>Эрцгерцогиня. Перевод Н. Роговской</i>	188
<i>Опасный Мужчина. Перевод Ю. Клейнера</i>	242
<i>Трофей. Перевод Н. Роговской</i>	289
<i>Красавцы. Перевод Н. Роговской</i>	329

Литературно-художественное издание

ДАФНА ДЮМОРЬЕ
СИНИЕ ЛИНЗЫ И ДРУГИЕ РАССКАЗЫ

Ответственный редактор Наталия Роговская
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Татьяна Бородулина, Ксения Казак
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 19.02.2016. Формат издания 84 × 108^{1/32}.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 18,48. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА® —
119334, г. Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах
на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

VAUM1829801R